

Научные статьи

Балуев Д.А.

Научный руководитель Плотников В.И.

д-р филос. наук, проф.

Особенности восприятия повседневного мира индивида

Когда мы сталкиваемся с проблемой описания повседневного мира индивида, на первый взгляд нам кажется, что никакой проблемы здесь и нет. Мы можем осмотреть комнату, в которой находимся, почувствовать теплый воздух, идущий из окна, потрогать гладкую поверхность стола. Все это будут не просто предметы для возможного взаимодействия – это предметы, входящие в особое поле нашего жизненного мира, воротами в который является наше восприятие. Каждый из этих предметов не просто совокупность качеств: цвета, запаха, твердости; но и объект, вызывающий в нас определенные переживания. Иными словами, мы не только «видим» и «слышим» свойства этого мира, но и переживаем его. Переживаем мы все, что происходит с нами в этой комнате со всеми предметами, находящимися в ней. Это переживание не есть сумма переживаний стола, стула, потока ветра из окна, мы переживаем их одновременно. Здесь и сейчас, во все их полноте.

Проблема заключается в том, что современная европейская научная картина мира сводит предметы, данные нам в ощущениях, к их качествам: цвету, химическому составу, плотности, отбрасывая при этом аспект переживания. Она оставляет от объектов нашего восприятия одну телесность. Это вызывает значительное искажение в понимании процесса восприятия, а, следовательно, в понимании жизненного мира индивида. Конечно, «все предстоящее в сфере жизненного мира в качестве конкретной вещи имеет, само собой разумеется, телесность (Körperlichkeit), даже если это не просто тело, как, например животное или объект культуры, но имеет также

психические и иные духовные свойства. Если мы обращаем внимание в вещах лишь на телесное, то оно предстает, очевидно, в сфере восприятия только в видении, ощупывании, слышании и т.д., т.е. в визуальных, тактильных, акустических и т.п. аспектах. В этом, само собой разумеется, неминуемо участвует всегда присутствующее в поле восприятия наше тело, притом вместе со своими соответствующими «органами восприятия» (глаза, руки, уши и т.д.)» [2, С. 126]. Но мы не можем согласиться с тем, что процесс восприятия ограничивается лишь ими.

Для того чтобы исследовать повседневный мир индивида, нам необходимо разобраться в феномене восприятия и понять всю его полноту. Приступая к его изучению, мы находим в языке понятие ощущения, которое кажется близким и непосредственно ясным: я ощущаю красное, синее, горячее, холодное. Однако мы увидим, что это понятие самое что ни на есть смутное, поняв его, классический анализ обманулся в отношении феномена восприятия.

Необходимо разграничить феномен восприятия и феномен ощущения. Под восприятием, в данном случае, понимается процесс переживания контакта с окружающим миром. Под ощущением понимается способ, посредством которого субъект испытывает воздействия от внешнего мира.

Зададимся вопросом, как описать эти воздействия и переживания и как они связаны между собой. С точки зрения некоторых наук, изучающих восприятие, все имеет эмпирическое объяснение, детерминирующее положение вещей в мире. Эта парадигма досконально изучает органы восприятия с целью найти в них некие объективные свойства, отвечающие требованию объективных законов самого мира. Таким образом, она планирует доказать объективность нашего восприятия, его тождественность миру.

Придерживаясь этой специфической парадигмы нельзя ответить на такие вопросы как: почему мы все эти внешние стимулы вызывают в нас определенные переживания, или же почему мы можем переживать один и тот же объект совершенно по-разному. Достаточно ли закодированного сигнала для того, чтобы получить достаточную информацию о мире? Ответив на вопрос,

«как» протекает процесс ощущение, классическая теория так и не поняла, каким образом мы можем чувствовать объект «целиком», имея в поле зрения лишь его внешние проявления, даже одну грань этого проявления.

Научная теория восприятия не разделяет ощущение и ощущаемое, дабы приблизить к нам окружающий мир, сделать наше восприятие объективным. «Видеть – это значит иметь цвет или свет, слышать – значить иметь звучание, ощущать – значит иметь качества, и не достаточно ли для того, чтобы узнать, что же такое ощущение, увидеть что-нибудь красное или услышать звук ля? Но цвет – это не ощущение, а ощущаемое, а качество есть не элемент сознания, а свойство объекта» [4, С. 27]. Ощущаемое качество предстает перед нами столь же богатым и столь же неясным, как и сам объект. Мы видим красное пятно на ковре красным, лишь с учетом пересекающей его тени, его качество проявляется лишь в отношениях с игрой света, то есть является лишь элементом пространственной конфигурации. К тому же цвет определяется только тогда, когда он существует на определенной поверхности, слишком малая поверхность останется неопределимой.

Мы окружены предметами, но, в сущности, нашим органам чувств предметы даны лишь в малой степени. Ведь ощущаются не предметы как таковые, а мимолетные зрительные формы, непостоянные отрывки звуков, разобщенные тактильные формы, возникшие при легком контакте объекта с кожей руки. Нашим ощущениям доступна лишь малая часть важных свойств объектов. Эти свойства суть свойства вещей-в-себе, благодаря которым вода сохраняет свою текучесть, а мосты – неподвижность, внутреннее их устройство остается скрытым от глаз. В своей жизни мы, главным образом, полагаемся на те свойства объектов, которые никак не воздействуют на наши органы чувств непосредственно и даны нам либо доопытно, либо являются построениями нашего разума. Следовательно, мы не только верим в то, что ощущаем, но и до некоторой степени и ощущаем то, во что верим.

Так называемая очевидность чувствования основана не на свидетельстве сознания, а на наивной вере в мир. «Нам мнится, что мы прекрасно знаем, что

же такое «видеть», «слышать», «ощущать», ибо давно уже восприятие предоставило нам расцвеченные и звучащие объекты. Когда мы хотим анализировать восприятие, мы переносим эти объекты в сознание, и сразу полагаем то, что есть в вещах. Мы объединяем восприятие с воспринимаемым. И поскольку само воспринимаемое доступно лишь восприятию, мы не понимаем, в конечном итоге, ни того, ни другого. Если бы нам удалось вырваться из вовлеченности в мир и перейти к его осознанию, мы бы поняли, что любое сознание интенционально» [4, С. 205].

Таким образом, мир предстает нам как смутное и малопонятное вместилище объектов. Объекты эти мы, хотя и доступны нашему восприятию, не доступны нам в своих истинных качествах.

Философ-эмпирик или ученый скажет: мы можем создать искусственный участок мира, который в любое время может быть воспринят сетчаткой нашего глаза. Этот участок имеет строгие границы. В данном участке мы можем поставить эксперимент и получить определенный результат, который мы с легкостью воспроизведем в этом участке мира. Разве это не есть подлинное знание о подлинном мире?

Но в нашем опыте и в помине нет такого участка. У нас есть некое зрительное поле. Пространство, окружающее зрительное поле может быть описано феноменом неопределенного зрения, видения непонятно-чего. Зрительное поле – это своеобразная среда, в которой пересекаются противоречивые понятия, поскольку объекты не могут полагаться в этой среде на такой почве, на которой возможно было бы провести их сравнение. Каждый из них схватывается в особом контексте, словно они не принадлежат одному и тому же универсуму. Это вызывает определенную неясность зрительного поля. Зачастую некоторые паттерны зрительного поля внушают нам, что они содержат объекты. «Иногда мы почти отличаем верблюда в движущемся по небу облаке, а иногда, например, в декоративном узоре, содержатся оптические паттерны, которые мы воспринимаем именно как узор, не вкладывая в него ни какой предметности» [3, С. 36]. Наше восприятие мира крайне размыто.

Но не только одинаковые объекты могут выглядеть по-разному, в зависимости от контекста, но и абсолютно разные объекты могут выглядеть одинаково. Эксперименты американского психолога Э. Эймса подтверждают это. Самая известная из его моделей – «комната Эймса». Когда наблюдатель рассматривает эту комнату одним глазом через отверстие, расположенное в строго определенном месте в стене, он видит нормальную комнату кубической формы. На самом же деле форма комнаты далеко не кубическая – её противоположная стена повернута так, что левый угол находится гораздо дальше правого. Но глазу наблюдателя изображение обоих углов кажется одинаковым. Чтобы достичь этого результата, Эймс сделал комнату постепенно увеличивающейся по мере приближения к дальнему углу. Таким образом, двухмерное изображение комнаты приняло одну из бесконечного множества трехмерных форм, каждая из которых не будет отличаться для взгляда наблюдателя.

В психологии долгое время эти феномены игнорировались. Многие психологи утверждают, что объект не может быть неясным, что он становится таковым только по невниманию. «Пределы зрительного поля сами по себе не изменяются, просто наступает момент, когда приближающийся объект начинает быть абсолютно видимым, просто мы его не замечаем. Это всего лишь гипотеза, сооруженная для спасения наивной веры в объективный мир. Нам надлежит признать неопределенность позитивного феномена» [4, С. 207]. Все качества, которыми сенсуализм намеревался определить ощущение, есть не элемент сознания, а его объект.

«Внешний мир – это объективный мир, доступный нам в чувствах» [5, С. 133], – заявляют психологи. И поскольку для психолога объективный мир выступает как данность, предполагают, что он полон посланий для органов чувств. Послания эти должны быть получены, и при расшифровке нам будет дан исходный текст. Отсюда делается вывод – стимул соответствует восприятию. Но этому противоречат факты. Например, при определенных условиях сила звука уменьшает его высоту, а добавление двух дополнительных

линий делает неравными две объективно равные фигуры (так называемые, прямые Мюллера-Лайера. Или, к примеру, феномен чередования фигуры и фона. Восприятие колеблется между двумя возможностями – что есть объект, а что расстояние между объектами. Следовательно, «ощущаемое» не может быть утверждено как непосредственный результат воздействия внешнего стимула.

Мы не поймем, что же такое ощущение и почему мы ощущаем этот мир так, а не иначе, если будем считать, что всю информацию о мире нам приносит бинарный код. «Нет и не может быть физиологического определения ощущения, ибо физиологическое событие подчиняется и биологическим и психологическим законам. Физиология и психология не могут быть параллельными науками, это два определения поведения: первое – конкретное, второе – абстрактное» [4, С. 86].

Всякое восприятие основывается не только на ощущении мира, но и на его чувствовании. Эмпиризм сводит чувствование мира к ощущению, к освоению его внешних качеств: цвет, свет, шероховатость поверхности. Это лишает чувствование всякой таинственности, что сразу, интуитивно, вызывает подозрения. Мы не можем смириться с подобным однобоким восприятием мира. Чувственность значительно отличается от ощущения тем, что ощущения дают нам лишь «мертвые» качества, а чувственность – активные свойства. Чувствуя мир, мы уже не просто трогаем и анализируем его, мы живем им. Чувствование проникается неким смыслом, определяющим его функцию в картине мира и нашем существовании.

Если мы рассмотрим ощущение в отрыве от восприятия, зададимся вопросом о том, что же такое «чистое качество», то окажется, что воспринимать такое чистое качество, означает воспринимать абстрактное качество, оторванное от объекта, а, значит, ничего не воспринимать, так как сами качества есть свойства, не существующие в отрыве от объекта. Такое чистое ощущение, определяемое воздействием стимулов на наше тело, существует только тогда, когда мир представляется нам как совокупность качеств, которые нужно потрогать, понюхать, осмотреть и т.д. Но мир не есть

подобная совокупность качеств, а это означает, что теория, включающая в себя лишь ощущение бессмысленна.

Но если же мы не просто ощущаем, но и чувствуем мир, мы обогащаем всякое качество жизненной ценностью, с самого начала схватываем мир в его значении для нас. Чувствование есть не что иное, как жизненное сообщение с миром, которое делает мир для нас привычным местом нашей жизни. Именно ему объект восприятия и воспринимающий субъект обязан своей полнотой. «Ощущения, «чувственные свойства», следовательно, далеки от простого переживания состояния или некоего качества, — невыразимые сами по себе они даны нам в определенной моторике, наделены определенным жизненным смыслом» [4, С. 269].

Само понятие чистого ощущения появляется, когда мы рассуждаем о восприятии и пытаемся выразить то обстоятельство, что оно не является абсолютно нашим творением. Чистое ощущение является конечным результатом знания, главным образом научного знания, и только в силу иллюзии мы ставим его в начало и считаем, что оно предшествует знанию. Это всего лишь обманчивый способ представления разумом своей истории, ведь сама идея о том, что события располагаются во времени подобным образом, является искусственным построением. С научной точки зрения может показаться, что восприятие является толкованием ощущения. Но для самого сознания как оно может быть рассуждением, если отсутствуют такие ощущения, которые могли бы быть предпосылками? Или как оно могло бы быть толкованием, если нет ничего до него, что можно было бы токовать? Для того чтобы ощутить мир, для начала мы должны его почувствовать.

Для более полной трактовки восприятия нужно учитывать, что «я» в восприятии – это всегда и сознание, и осознание. Это «я» особое бытие, которому нигде нет постоянного места, и которое в интенции может присутствовать везде. «Все что существует, существует либо как вещь, либо как сознание, середины нет» [4, С. 76]. Вещь находится в каком-то месте, тогда как восприятию нет никакого места, в противном случае оно не могло бы

заставить существовать вещи для себя, ибо существовало бы в себе подобно вещи. Таким образом, можно заключить, что восприятие, являясь элементом сознания, — это парадоксальным образом, мышление о восприятии, так как мы всегда мыслим и осознаем свое восприятие.

Субъектом восприятия являюсь «я сам», мое сознание. В таком случае мы можем предположить, что его направленность на восприятие как на процесс, подразумевает некое отделение сознания от мира. Само бытие существует только для того, кто способен отделиться от него, и, таким образом, сам находится совершенно вне этого бытия. «Если «видеть» или «слышать» означает отделить от себя впечатления, с тем чтобы вовлечь это последнее в круг мысли и перестать «быть» для того, чтобы «знать», то было бы абсурдом утверждать, что я вижу собственными глазами или слышу собственными ушами, поскольку мои глаза и уши существуют в мире и в действительности именно потому, что не способны передвинуть зону субъективности за её пределы, откуда этот мир был бы видим или слышим. Более того, я не могу сохранить за своими глазами и ушами какую бы то ни было способность познавать, превращая их в инструменты моего восприятия, поскольку это понятие двусмысленно. Они суть инструменты только телесного возбуждения, а не самого восприятия. Нет промежуточного состояния между «в себе» и «для себя», и поскольку, будучи множественными, они — это не я сам, мои чувства — только объекты» [4, С. 273].

В научной концепции мира допускается пренебрежение субъектом восприятия. Дело в том, что научное «объективное» мышление оперирует с готовым миром, с миром как средой для всякого возможного события и трактует восприятие как одно из таких возможных событий. Философ-эмпирик рассматривает некоего субъекта «X» в процессе восприятия и стремится описать то, что происходит, имеются некие ощущения, которые суть состояния или типы бытия субъекта, и таковыми же являются подлинно мыслимые вещи. «Воспринимающий субъект — это средоточие вещей, и эмпирики описывают ощущения и их субстрат так, как описывают фауну какой-нибудь далекой

страны, не отдавая себе отчета в том, что это они сами воспринимают, что каждый из них — воспринимающий субъект, и что это восприятие уличает во лжи все то, что они говорят о восприятии вообще» [4, С. 266].

Таким образом, можно выделить два основных свойства восприятия. Всякое восприятие имеет место в каком-то более общем контексте и дано нам как анонимное. Я не могу сказать, что я вижу синеву неба в том же смысле, в каком я говорю, что решаю посвятить свою жизнь математике. Мое восприятие, выражает определенную ситуацию: я вижу синее, поскольку я чувствителен к различным цветам. С другой стороны, мои собственные действия порождают ситуацию: я математик, потому что я решил быть им. Таким образом, если бы я захотел точно выразить перцептивный опыт, мне следовало бы сказать, что некто во мне воспринимает, но не я воспринимаю. Всякое восприятие включает в себя элемент безличностного или доличностного. Мы воспринимаем что либо, как будто в состоянии некоего оцепенения и отстранения от самого себя. Всякий раз, когда я испытываю ощущение, я чувствую, что оно касается не моего собственного бытия, того, за которое я отвечаю и которое я определяю, а какого-то другого «я», которое уже присоединилось к миру, открыто некоторым из аспектов этого мира и синхронизировано с ними. «Между моим ощущением и мною всегда наличествует толща изначального опыта, которая препятствует моему опыту быть прозрачным для него самого. Я испытываю ощущение как модальность существования вообще, которое уже обращено к физическому миру и которое течет во мне, хотя я и не являюсь его создателем» [4, С. 276].

Ощущение может быть анонимным только потому, что оно ограничено. Тот, кто видит, и тот, кто касается, это не я сам, поскольку видимый и осязаемый мир — это не мир в целом. Когда я вижу какой-либо объект, я всегда чувствую, что есть еще что-то за пределами того, что я вижу в данный момент, не только что-то видимое, но и что-то осязаемое и доступное слуху, и не только что-то осязаемое, но еще и некая глубина объекта, которую никакое частичное чувственное восприятие не исчерпает. Таким образом, можно сказать, что

всякое ощущение принадлежит определенному полю. Иметь визуальное поле, например, означает, что у меня есть доступ к совокупности явлений, и я открыт им, что видимые явления находятся в распоряжении моего взгляда в силу своего рода изначального дара природы, без всякого усилия с моей стороны. Это, следовательно, означает, что способность видеть является предличностной, и в то же время означает, что эта способность всегда ограничена, что вокруг моего поля зрения всегда есть некий горизонт неувиденных вещей. «Видение — это мысль, подчиненная определенному полю, и именно это и называют ощущением. Когда я говорю, что у меня есть ощущения, что они обеспечивают мне доступ к миру, я — не жертва какого-то недоразумения, я не путаю каузальное мышление и рефлексю, я выражаю только ту истину, которая свойственна интегральной рефлексии: я способен по своей со-природности найти смысл некоторых сторон бытия, не сообщая им его предварительно посредством конституирующей операции» [4, С. 278].

Кроме того, всякий акт восприятия устремлен в будущее, поскольку мне на долю секунды необходимо зафиксировать объект, что означает постоянную изменчивость и динамичность объекта. Одновременно этот акт направлен в прошлое, поскольку он вот-вот превратиться в нечто иное, доступное сознанию. Таким образом, акт восприятия находится на стыке прошлого, настоящего и будущего и имеет историчность.

Каждый перцептивный акт претендует на объективность, но для этого он должен быть проверен в следующем, ограниченном по времени, акте. Акт перцепции подразумевает постоянную фиксацию объекта, единожды произведенный он не несет в себе даже зачатков объективного смысла. Это означает, что субъект восприятия не является абсолютной субъективностью и должен стать объектом для некоего последующего «я», а восприятие — не просто настоящая история, но скорее проверка некой предыстории.

Восприятие как процесс познания мира через его чувственное переживание, в той или иной степени, оказывается проверкой для уже имеющихся у нас представлений. Эти представления суть очевидные для нас

вещи, из которых и складывается наш жизненный мир. Такие очевидности отсылают нас к бесконечному числу потенциальных очевидностей в отношении одного и того же предмета. Это относится, по крайней мере, ко всем тем очевидностям, благодаря которым для нас непосредственно существует в созерцании некий реальный объективный мир как целое или в каких-либо отдельных своих объектах. Очевидность, свойственная этим отдельным объектам, представляет собой внешний опыт. «С другой стороны, следует также учитывать, что этому виду очевидности существенным образом принадлежит односторонность в более точном смысле слова, многообразный горизонт ненаполненных, но требующих наполнения антиципации, т. е. всего лишь полагаемые содержания, которые отсылают нас к соответствующим потенциальным очевидностям. Эта несовершенная очевидность совершенствуется при создающих действительное восприятие синтетических переходах от одной очевидности к другой, но так, что никакой из возможных синтезов такого рода не завершается адекватной очевидностью, а напротив, приносит с собой все новые и новые ненаполненные полагания - предварительные и сопутствующие. При этом всегда остается открытой возможность для того, чтобы проникающая в антиципацию уверенность в бытии оказалась ненаполненной, и чтобы предмет, являющийся в модусе «он сам», тем не менее, не существовал или существовал бы иным образом» [1]. И все же внешний опыт выступает, по существу, как единственная подтверждающая сила, хотя, конечно, лишь до тех пор, пока пассивное или активное течение опыта является синтезом, согласующим наши восприятия.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 2001.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. М., 2004.
3. Маймин Е.А. Искусство мыслит образами. М., 1977.

4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
5. Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и М.Б. Михалевской М., 1975.